

В Кремле на Б. Соловецком острове разместилось управление лагеря. В Кремле же содержались заключенные уголовники. «Всех политических, то есть социал-демократов, эсеров и анархистов держат отдельно, изолированно, в глубине острова, в быв. скитах. Там создано для них за колючей проволокой заключение, т. н. “политрежим”»². Перед отъездом из Пертоминска было обещано, что у заключённых будет кусочек озера, лес и просторное помещение в Савватьевском скиту. Но лес был от них отрезан, остался кусок двора с парой десятков берёз и кусочек озера. Восстановили организованную ещё в Пертоминске общеобразовательную школу, начали заниматься, купаться, ловить рыбу, кататься на лодке и пр. Такая идиллия тянулась очень не долго³. Заключённым был выделен 1 га земли; выход за его пределы воспрещён, и страже отдан приказ стрелять в нарушителей без предупреждения. Началась блокада приходящей и уходящей почты. Прибывали новые партии заключённых, за несколько месяцев их количество увеличилось почти вдвое. Из-за переполненности Савватьевского скита партию с.-р. из Сибири и с.-д. (ок. 35 чел.) оставили временно в Кремле и применили к ним полутюремный режим. Затем им предложили ехать в Муксолмский скит, стараясь не объединять их с заключёнными Савватьевского. После отказа выезжать на другой остров «22 авг. их связали и отвезли в Муксолмский скит. Не обошлось без рукоприкладства, ссадин, синяков. Покончили с собой Сандомир и Аронсон»⁴. Эти заключённые только что перенесли в Архангельске голодовку. Начальник управления лагерями сказал политстаросте: «Голодовками вы ничего не добьётесь, <...> кончайте самоубийством»⁵.

По сообщению «Социалистического вестника» осенью 1923 г., «...переведённые из Пертоминска 175 социалистов поселены в скиту Саватеево. В их распоряжение предоставлен дом, рассчитанный максимально на 80 чел. <...> в Соловках есть люди, сидящие уже по 3–3,5 г., на нервной системе которых до чрезвычайности отражается пребывание в общей камере. Больница находится в главной части острова, у пристани. Навещать больных разрешается лишь в том случае, если по заключению врача больной накануне смерти. От больницы пришлось отказаться, и больные остаются в общих камерах. Почты нет. Письма идут только до Архангельска. Адресованные на управление лагерей заключённым не доставляются. Продолжительность и количество свиданий зависит от произвола администрации. Приезжающие помещаются в дом, откуда им не разрешается выходить под угрозой стрельбы, к ним приставляется стража. До и после свидания их обыскивают. Доставленные в больницу из Савватьевского скита

² Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 1, 2. Франкфурт-на-Майне. Посев. 1971. С. 202.

³ См.: Социалистический Вестник. 1924. № 5. С. 10–13.

⁴ См.: там же.

⁵ Там же. 1923. № 17/18. С. 15–16.

провели там лишь несколько дней, встретив вместо лечения и ухода сплошное злорадство и издевательство»⁶.

По сведениям на 15 декабря 1923 г., в Савватьевом скиту сидело 63 с.-р. (из них убиты 19 дек. 6 чел.), 12 левых с.-р., 53 с.-д. и 32 анархиста; в Муксолмском скиту — 38 с.-р. и 26 с.-д., в Кремле (12 верст от Савватия) — 21 с.-д., 4 левых с.-р. и 2 анархиста. Всего — 252 политзаключённых (за вычетом убитых)⁷.

Ходатайства заключённых о переводе на материк отклонялись, в условиях наступающей северной зимы отсутствовали тёплая одежда и обувь, нормальное освещение. Постепенное ужесточение режима закончилось столкновением заключённых и администрации 19 декабря 1923 г.

За три дня до этой даты старосты политзаключённых были извещены, что из Москвы пришло распоряжение о сокращении времени подачи электричества и времени свободного передвижения (с 9.00 до 18.00) по оцепленной по периметру колючей проволокой территории вокруг двух корпусов, где заключённые жили в условиях полной автономии и на началах самоуправления (под охраной часовых на вышках). Старостат отказался принять новые правила, расценив их как первый шаг к установлению в лагере норм тюремного режима. Полная оторванность острова от внешнего мира зимой делала ненужной даже содержание за колючей проволокой, о чем местная администрация неоднократно докладывала в Москву, ходатайствуя о разрешении свободного передвижения политзаключённых по острову зимой. Бессмысленность и политическая подоплёка ужесточения режима была очевидной для всех. По приказу начальника Управления Северных лагерей особого назначения ГПУ А. П. Ногтева была составлена и прислана из Кремля специальная команда, куда вошли преимущественно надзиратели из проштрафившихся чекистов. Сам Ногтев был известен тем, что во время одной из голодовок эсеров, привезённых из Сибири, сказал им: «Вам давно пора понять, что мы — победители, а вы — побеждённые. Мы совсем не собираемся устраивать так, чтобы вам было хорошо, и нам нет дела до вашего недовольства. По-моему, вам гораздо проще сразу повеситься, до такой степени это безнадежно». Появившись в Савватьеве днем, Ногтев вскоре уехал, оставив записку старостам, из которой следовало, что следует объявить на поверке, что прогулка впредь будет завершаться в шесть часов вечера. Так как поверка производилась в 8 вечера, старосты решили, что к текущему дню это не имеет отношения. Мирное решение конфликта было блокировано властями: комендант отдал приказ помешать прогулке ещё до шести часов. Характерно и то, что в этот вечер не отбивали на колокольне часы, как это делали обыкновенно, а старосту эсеров члена ЦК ПСР А. А. Иваницкого-Василенко не пустили к коменданту для переговоров.

⁶ Социалистический Вестник. 1923. № 17/18. С. 15–16.

⁷ Социалистический Вестник. 1924. № 9. С. 14.

Первые выстрелы были сделаны ещё до наступления намеченного времени, и они были произведены часовыми с вышек в воздух. На выстрелы вышли эсеры, левые эсеры и анархисты (меньшевиком не пустил их староста член ЦК РСДРП Б. О. Богданов), которые заполнили обычные места прогулки. Карательная команда оцепила лагерь с трех сторон (в том числе, и со стороны озера) и после приказов зайти в корпуса не стала теснить заключённых шеренгой, а вопреки ожиданиям заключённых (среди которых были и боевые офицеры), открыла огонь. После первых выстрелов были убиты и ранены три эсера и один анархист. Часть политзаключённых легла, но стрельба продолжалась и по лежащим. После того как понесли раненых, цепь двинулась на заключённых, ей навстречу направилась группа пытавшихся остановить солдат заключённых во главе с эсером Г. Т. Качоровским. По ним открыли стрельбу в упор. Было убито пять социалистов-революционеров: трое мужчин — Качоровский, Г. А. Билима-Постернаков, М. М. Горелик и две женщины: Е. И. Котова (жена Качоровского) и Н. А. Бауэр — все они были так называемыми «солидарниками», т.е. теми, кто летом 1922 г. выразил свою солидарность с подсудимыми по процессу над с.-р., за что и были преданы Ревтрибуналу и отправлены на Соловки. Позже умер ещё один эсер — В. И. Попов. Были ранены эсер Г. Э. Шик и анархист Л. Я. Лебедев.

Качоровский *Георгий Трифионович* (ок. 1897–1923 гг.). Сын чиновника. В ПСР с 1913 г. Студент Харьковского университета; сотрудник харьковской газеты «Утро» (1913–1916 г.). В 1916 г. призван на военную службу. Окончил Одесскую школу прапорщиков. Служил младшим офицером в 241 запасном полку в Кузнецке Саратовской губернии и в Пензе. После Февральской революции председатель Евлашевского гарнизонного совета в Кузнецком уезде, член уездного исполкома Кузнецка Саратовской губернии, гарнизонного совета в Пензе, сотрудник газет «Известия» — периодических органов СРиСД Кузнецка и Пензы. В июне 1917 г. пошел добровольцем на фронт. До октябрьского переворота 1917 г. член армейского комитета 8-й армии и Исполкома Могилево-Подольского СРиСД, сотрудник «Известий» 8-й армии; прапорщик 617-го Делатынского полка. После демобилизации в начале 1918 г. до августа 1918 г. редактор органа харьковской губернской организации «Голос народа». В августе 1918 г. арестован германскими оккупационными властями. Освобождён в декабре 1918 г. До января 1919 г. редактировал газету «Волна». В январе 1919 г. уехал в Киев, где вошёл в Украинский трудовой конгресс при правительстве С. Петлюры и Винниченко. После прихода советских войск переехал в Тамбов. В марте 1919 г. мобилизован в Красную армию и направлен в распоряжение штаба 13 армии; прикомандирован к управлению Инспекции пехоты делопроизводителем и затем начальником канцелярии. С мая 1920 г. сотрудник для поручений, с июля помощник начальника инспекторского отделения при Штабе Юго-Западного фронта. В январе 1921 г. причислен к штабу Киевского военного округа. В феврале откомандирован как «неблагонадежный элемент» — член ПСР в распоряжение штаба Мо-

сковского военного округа. Арестован 3 марта 1921 г. во время засады на квартире помощника секретаря ЦК ПСР М. Л. Свирской, содержался в Бутырской тюрьме, затем увезён в Ярославль. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включён в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, но на процесс выведен не был. Как староста политзаключённых Ярославской тюрьмы в сентябре 1922 г. подавал заявления в Президиум ВЦИК и Коллегию ГПУ с протестом против жестокостей и насилия в отношении политзаключённых. 3 октября 1922 г. объявил голодовку с протестом против произошедшего накануне избияния охраной политзаключённых, увезён в Бутырскую тюрьму. 24 декабря 1922 г. приговорён к 3-летнему заключению в Пертоминском концлагере. В 1923 г. переведён на Соловки.

Билима-Постернаков Гавриил Андреевич (1897–1923 г.). Сын учителя. Учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета (1914–1917 г.). Слушатель Института народного хозяйства в Москве (1921 г.). Работал в кооперации и занимался преподавательской деятельностью. В ПСР с 1916 г. После Февральской революции 1917 г. входил в Петроградский СРиСД; работал в Бюро печати Министерства земледелия Временного правительства. В октябре 1917 г. — секретарь Тверского губернского земельного комитета. Инструктор Тверского (октябрь 1917 г. — сентябрь 1918 г.) и Тульского (сентябрь 1918 — сентябрь 1920 гг.) посреднического товарищества кооперативов; инструктор по кооперации (сентябрь 1918 — сентябрь 1920 гг.) и заведующий бухгалтерско-статистической частью Тульского совнархоза (сентябрь 1918 — апрель 1921 гг.). С апреля 1921 г. в Москве — секретарь Белорусского университета. 26 апреля 1921 г. арестован, помещён в Бутырскую тюрьму. Освобождён. Арестован СО ВЧК 5 сентября 1921 г. на основании агентурных сведений, что он является членом Центрального организационного бюро ПСР. Помещён в Ярославский политизолятор. На допросе отказался от дачи показаний. В декабре 1921 г. содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включён в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, но на процесс выведен не был. 11 мая 1922 г. подписал коллективное заявление членов ПСР, находящихся в Ярославской тюрьме, о солидарности с деятельностью подсудимых процесса с.-р. 1922 г. и требованием включить их в число подсудимых. 3 октября 1922 г. объявил голодовку с протестом против произошедшего накануне избияния охраной политзаключённых, увезён в Бутырскую тюрьму. В марте 1923 г. — в Ярославском политизоляторе. 23 февраля 1923 г. приговорён к заключению в концлагерь на 3 года, отправлен на Соловки.

Бауэр Наталья Арнольдовна (1892–1923 гг.). Член ПСР. Арестована 23 марта 1921 г. в Москве. Помещена в Бутырскую тюрьму. 24 февраля 1922 г. Пре-

зидиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, но на процесс выведена не была. По данным ГПУ на 1 апреля 1922 г. содержалась во Внутренней тюрьме, затем — в Ярославском политизоляторе. 11 мая 1922 г. подписала коллективное заявление членов ПСР, находящихся в Ярославской тюрьме, о солидарности с деятельностью подсудимых процесса с.-р. 1922 г. и требованием включить их в число подсудимых. 2 октября 1922 г. подверглась избиению в тюрьме; 3 октября объявила голодовку. В ноябре 1922 г. — в Бутырской тюрьме. 23 февраля 1923 г. приговорена к заключению в концлагерь на 3 года, отправлена на Соловки⁸.

Попов Всеволод Иванович (1896–1924 гг.). Член ПСР. В августе 1919 г. провел городскую конференцию ПСР в Воронеже, участники которой поддержали решение ЦК ПСР об отказе от вооружённой борьбы с большевиками. Арестован 30 мая 1920. В 1921 г. содержался в московской Бутырской тюрьме. Осуждён Президиумом ВЧК 2 февраля 1922 г. по обвинению в антисоветской агитации. Принято решение: из-под стражи освободить со взятием на учёт ГубЧК. 27 августа 1922 г. арестован в Воронеже и препровождён в Бутырку, 28 октября 1922 г. получил приговор — 2 года заключения в концлагере, в 1923 г. отправлен на Соловки.

Котова Елизавета Ивановна (1900–1923 гг.). Член ПСР. В начале лета 1922 г. находилась в московской Бутырской тюрьме, затем переведена в Ярославль. 22 сентября 1922 г. избита в Ярославской тюрьме во время подавления акции протеста политзаключённых. 25 ноября 1922 г. приговорена к заключению в концлагерь на 3 года, отправлена на Соловки.

Горелик Меер Моисеевич (1897–1923 гг.). Член ПСР, арестован 7 сентября 1922 г. в Москве. В декабре 1922 г. приговорён к 3 годам заключения в Архангельском концлагере, отправлен в Пертоминский лагерь. В сентябре 1923 г. переведён в Соловецкий лагерь.

По свидетельствам заключённых, красноармейцы в основном стреляли в воздух, иначе погибших было бы во много раз больше. Характерно, что помощником коменданта Савватьевского скита был чекист А. И. Роцин, попавший на Соловки за то, что перед этим в пьяном виде угнал автомобиль у иностранного посла.

Вот как описывал в «Социалистическом Вестнике» похороны погибших меньшевик Борис Сапир, бежавший из ссылки за границу в 1926 г.: «Есть опасение, что администрация попытается отнять у коллектива трупы. Организуются непрерывные дежурства, охраняющие все входы в корпуса, мертвецкую.

⁸ См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М., 2002.

В мертвецкой ещё угрюмее и пустынное, чем в других углах корпуса. В большой комнате пять тел. На тюремных топчанах, накрытых окровавленными простынями, они лежат рядом один подле другого. Лица не покрыты. Ещё не успели измениться. Сохранили выражение ощущений последних минут жизни. Спокойно будто спит Лиза Котова. Она легче других умерла. Такие, как и всегда, лица Билимы и Н. А. Бауэр. Измученное, подёрнувшееся желтизной, словно из воска, лицо М. М. Горелика. Редкая борода, обрамляющая его, кажется приставленной. Ужасное выражение лица у Г. Т. Кочаровского. Пули не пощадили его. Он был на прогулке вместе с женой, убитой рядом с ним Е. И. Котовой. Когда раздались выстрелы, Кочаровский пытался защитить собой жену и шедшую с той ещё одну заключённую. Пули сорвали четыре пальца с руки, ранили в живот, пробили спинной хребет. Не приходя в сознание, он дико кричал и стонал от боли. И теперь его лицо отражает эти мучения...

[...] Хоронить разрешили вне тюремной проволоки без речей, как настаивало Управление лагерей. [...] Выбрали место за проволокой и приступили к рытью братской могилы. Трудная это была работа. Почти двое суток, непрерывно сменяясь, группами долбили промёрзшую землю, доставали камни, в таком изобилии покрывающие и залегающие в соловецкой почве. [...] Полукруглая церковь. По стенам изображения святых. Узкие окна покрыты решетками. С них видны стоящие внизу на козлах гробы. Стоят они в том же порядке, в каком убитые были между собой связаны в жизни. [...] Утро похорон. Лица убитых открыты. Гробы украшены зеленью — венки из зелёных елей, букеты из еловых веток. У стен знамёна всех фракций скита — три красных, одно черное — анархистское... Знамёна сшиты из случайных лоскутьев, бывших под рукой. Ленты с именами мёртвых. Тяжёлая сцена прощания... Длинной чередой проходят товарищи мимо изголовья гробов. Вряд ли была более тяжёлая минута, чем эта... Индивидуальное прощание кончилось. Голоса всех сливаются в последнем общем прощании: «Вы жертвою пали борьбы роковой, любви беззаветной к народу». Эти звуки и слова, которыми окрашено всё протяжении русского революционного движения, они имеют право огласить древнейший скит Соловецкого монастыря. [...]

Неподалёку от Савватьевского скита холм, с которого виден тюремный корпус. Вблизи лес. На холме высится насыпь, убранный дёрном. Целое лето 1924 г. убирали заключённые могилу, как бы предвидя, что они её покинут. Насыпь окружена оградой из стволов молодых белых берёзок и набросанных грудой камней. На насыпи, под которой находится братская могила, лежит большая серая каменная глыба. С одной стороны на ней высечены имена шести убитых. С другой — одна единственная, но обо всём говорящая надпись: 19-Е ДЕКАБРЯ»⁹.

Позже администрация лагеря уничтожила этот своеобразный мемориальный комплекс. По свидетельству Юрия Бродского, посвятившего Соловкам деся-

⁹ Социалистический Вестник. 1924. № 9. С. 14.

тилетия своей жизни, могильный камень в силу его размеров не стали никуда транспортировать, а вырыли позади него глубокую яму и столкнули в неё. В буквальном смысле слова мемориал был стёрт с лица земли, и это понятно, ведь для инициаторов и исполнителей этого расстрела любая память о нём была преступлением.

5 января 1924 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «предложить ЦИК СССР назначить комиссию для расследования происшествия в Соловецком монастыре в составе т.т.: члена Президиума ЦИК тов. Смирнова, члена Президиума ЦКК тов. Коростелева и тов. Катаняна» и «поручить тов. Дзержинскому дать заметку о происшествии в хронике»¹⁰.

Политзаключённые требовали включения в состав комиссии представителей Помощи Политзаключённым и Амстердамского объединения профсоюзов «в целях беспристрастного расследования и осведомления всех революционно-социалистических организаций Запада»¹¹. После того как следственная комиссия «не сочла возможным обсуждать по существу это домогательство политзаключённых», последние отказались давать показания комиссии, составленной из представителей лишь одной стороны, и выводы комиссии базировались на «имеющихся в деле материалах, состоящих: 1) из ряда свидетельских показаний, данных красноармейцами и командой надзора; 2) из показаний, данных на допросах вызванных в Москву: а) коменданта 2-го отделения Управления Соловецких лагерей т. Розенталя, б) т. Фастова — политрука 4-го взвода № ... дивизиона, состоявшего в Соловках, в) т. Герасимова — Командира того же взвода и г) т. Ногтева, Начальника Управления Северных лагерей; 3) письменных заявлений, поданных в администрацию Соловецких лагерей представителями политзаключённых»¹².

Как и следовало ожидать в такой ситуации, комиссия пришла к следующим выводам: «не установлено и то обстоятельство, что старостат в целом или отдельные его представители якобы делали попытку проникнуть к администрации, но что они допущены не были.

Все это, а в особенности уклонение заключённых от присылки своих представителей в следственную Комиссию для дачи показаний, даёт основание следственной Комиссии не доверять утверждениям старостата о якобы подготовлявшемся расстреле.

Переходя к вопросу об уголовной ответственности, Следственная Комиссия приходит к заключению, что в действиях администрации северных лагерей не усматривается состава преступления»¹³.

¹⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 172. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 12.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 24–25.

По мнению членов комиссии, все данные свидетельствуют о том, что была дана команда стрелять в воздух, для устрашения, и лишь некоторые красноармейцы не подчинились ей и вели огонь на поражение (причем, выяснить, кто именно не подчинился, не представляется возможным). Неподчинение же команде объясняется неприязненным отношением красноармейцев к охраняемым ими политзаключённым, которые, по их мнению, находились в гораздо более благоприятных материальных условиях и имели больше возможностей для досуга и нравственного и умственного развития. Тот факт, что политзаключённые находились на Соловках отнюдь не по доброй воле и жизнь их проходила в окружении часовых на вышках, разумеется, в расчет не принимался.

Комиссией также были использованы выдержки из писем политзаключённых, в которых они описывали свою жизнь в радужных красках¹⁴. Объяснялось это, конечно, не тем, что жизнь в политскиту была так уж хороша и привольна, как можно было подумать, прочитав эти письма, а тем, что писавшие их понимали, что, во-первых, письма с правдивым описанием условий их содержания не будут пропущены лагерной администрацией, а во-вторых, старались не расстраивать своих родственников, и без того переживавших за них и по полгода не имеющих возможности получать от них весточки.

После зимы 1923/24 г. из-за недостаточного и однообразного питания, скученности, спёртого воздуха в помещениях 45% заключённых болели туберкулёзом и цингой. Свидания, возобновлённые с началом навигации, разрешались на 4 ч. в тюремной обстановке; жить с заключёнными запрещалось, ездить на свидания приходилось за 12 вёрст — после мытарств с получением разрешения, поездкой, неоднократными обысками и недельного ожидания¹⁵. Началось заселение Анзерского о-ва. В Голгофо-Распятском скиту было помещено 40 с.-д. и 10 с.-р., присланных в лагерь после ссылки. На Анзере оторванность социалистов была ещё большая, чем на Б. Соловецком острове, и так же вследствие недостатка питания распространена цинга.

На Соловках продолжалось дальнейшее ужесточение режима: стремление перевести политических на общеуголовное положение (заготовка топлива на зиму вместо уголовных возложена на самих политзаключённых; прибывающих селили в Кремле, где содержались уголовные, держали на уголовном пайке и режиме); жестокое обращение и наглость тюремной администрации, оставшейся безнаказанной за бойню в декабре 1923 г. и даже повышенную по службе; ухудшение пайка на 40%, а в дальнейшем ещё на 20%. (прекращение выдачи естественных жиров, свежих овощей и мясных консервов, выдача несъедобных американского жира и трески); теснота; угроза «Секирки» (дисциплинарного от-

¹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 172. Л. 20–23.

¹⁵ Социалистический Вестник. 1924. № 14. С. 14.

деления, карцера, который не выдерживали уголовные, на Секир-Горе) за отказ от обязательной работы.

За июнь 1924 г. в Соловецкие политскиты и Кремль поступили 3 партии студентов, вывезенных из Петрограда и Москвы. В дороге они были подвергнуты рукоприкладству и оскорблениям конвоя, помещению на распределительном пункте в Кеми в камеру «на карцерном положении», а студенток — на ночь в холодный карцер, а затем — в камеру с уголовницами. Заключение подвергались жестоким избиениям, истязаниям, унижениям. «Бьют нещадно за малейшие упущения. Палками снабжены надзиратели и старосты работающих партий. Наказания — инквизиторские: летом ставят под “комаров” голыми, сажают на неделю-две в темное помещение, где нельзя лечь, так оно узко; зимою — в башню, где от холода лежит лед. Кормят ужасно, т. к. всё разворовывается. Женщины более бесправны, чем мужчины, целиком во власти администрации, взимающей дань “натурой”. Общение между женской и мужской частью заключенных запрещено, но запрет не соблюдается. Женщины отдаются за пайку хлеба. Распространены венерич. болезни, цинга, туберкулёз»¹⁶.

В конце лета 1924 г. Соловки посетил с инспекцией прокурор Верховного Суда П. А. Красиков, его главной целью было посещение политскитов. В большой статье в газете «Известия» после этой поездки им «подробно описывалось привольное, чуть ли не райское житьё соловецких политзаключенных. Статья была хорошо документирована, в ней обильно цитировались письма заключённых, адресованные <...> родным. <...> расхваливались условия жизни, хорошее питание, красоты природы, писалось об успешности занятий науками. В этих письмах цинга даже не упоминалась; судя по ним, никто никогда не болел, все были бодры и полны оптимизма»¹⁷.

После отказа ГПУ в свидании ряду родственников, имевших очередь на сентябрь, а также помещения социалистов в Кремле на общеуголовный режим, 25 сентября 1924 г. 400 заключенных с-р и анархистов объявили голодовку с требованием ликвидации Соловецкой каторги и перевода в тюрьмы и лагеря на материк, улучшения пайка, перевода 4 лиц с уголовного положения на полит. и снабжения дровами. Голодовка эсеров, левых эсеров и анархистов началась 3 октября одновременно в Савватьевском скиту, на Муксалме и Анзере.

Е. Л. Олицкая вспоминала: «...На тринадцатый день голодовки мы узнали, что среди левых эсеров и анархистов появились ликвидаторские настроения. Возмущал нас выдвинутый ими аргумент. Они утверждали, что среди эсеров ослабели некоторые товарищи, им самим неудобно ставить вопрос о снятии голодовки, потому его должны поставить «левые» и анархисты. <...> В ответ на предложения о снятии голодовки, в связи с тем, что она грозит гибелью слабей-

¹⁶ Социалистический Вестник. 1924. № 20. С. 13.

¹⁷ Бацер Д. М. Соловецкий исход // Звенья: Ист. альм. Вып. 1. М., 1991. С. 290–291.

шим товарищам, группа с.-р. <...> пришла к старостам со следующим заявлением: “Голодовку не прекращать ни в коем случае. Но, считая невозможным ставить под удар слабейших товарищей, в подтверждение требований заключённых, начиная с 15 дня голодовки, ежедневно один из группы вскрывает себе вены и кончает с собой. Остальные продолжают голодать”. Широкие круги голодающих не знали об обсуждении такого предложения. Староста колебался, может ли он прийти к такой форме голодовки, не уведомив др. скиты. <...> до выяснения вопроса он запретил подобные выступления. С этого совещания старост вызвали в комендатуру. Из Кремля прибыл Эйхманс»¹⁸. Староста с.-д. Богданов взял на себя переговоры с Эйхмансом, которые длились 14 ч. Удалось добиться улучшения пайка, временного перевода указанных лиц на политрежим до распоряжения из Москвы, казённой топки до 9°, а также самоснабжения и уступок по прогулкам (разрешены с 6 утра до 10 вечера); разрешена присылка денег по радио. Голодовка закончилась без смертельных случаев и тяжёлых заболеваний. Кроме того, было констатировано, что «вывоз политзаключённых с Соловков, в связи с закрытием навигации, в настоящее время произведен быть не может, и до весны о нем говорить невозможно. <...> Формально голодовка была выиграна. Фактически, мы знали, что она проиграна»¹⁹.

Борьба социалистов за вывоз с Соловков продолжалась в 1925 г. Рано утром 17 июня Савватьевский, Муксалмский и др. скиты были окружены вооружёнными отрядами чекистов и красноармейцев (пехота, кавалерия, пулеметы). Операцией руководили нач. Управления Северных лагерей Ногтев и нач. тюремного отдела ГПУ К. Я. Дукис. Заключённым было объявлено, что их увозят на материк, место назначения не называлось. Во время сборов, на которые было дано 2 ч., и в пути они подвергались грубости, издевательствам, угрозам конвоиров. «Заключённых Муксоломского скита после 7-вёрстного пешего перехода заставили последние 3 версты до пристани бежать <...>, напирая сзади лошадьми, не считаясь с наличием женщин и больных. И только благодаря тому, что здоровые и более крепкие приняли на себя удары лошадей, защитив собой больных и слабых, только благодаря <...> хладнокровию и выдержке товарищей, эта последняя попытка провокации на Соловках не кончилась <...> трагедией, и переход обошёлся без человеческих жертв. Пароход, доставивший заключённых на материк, был набит до того, что <...> было нечем дышать. В тесном донельзя набитом трюме, с закрытыми люками и иллюминаторами, людям, измученным только что перенесённым пешим этапом, не только нельзя было прилечь, но большую часть перехода пришлось простоять на ногах. И сюда поместили матерей с грудными детьми»²⁰.

¹⁸ Олицкая Е. Указ. соч. С. 257–258.

¹⁹ Там же. С. 261.

²⁰ Социалистический Вестник. 1925. № 23/24. С. 11–12.

Большинство социалистов, заключённых на Соловках, были увезены в политизоляторы Челябинска, Верхне-Уральска и Тобольска. Прежние обитатели Челябинского политизолятора переселены в Ярославский политизолятор. В отдалённые тюрьмы заключали «бессрочно, несмотря на то, что срок ссылки или тюремного заключения давно уже окончился»²¹.

Вывозом политзаключённых социалистов и анархистов с Соловков власти попытались оставить за собой последнее слово в той борьбе за политрежим и человеческое достоинство, которая длилась на протяжении всего двухлетнего существования соловецких политскитов и ярчайшим эпизодом которой являлся расстрел 19 декабря 1923 г. заключённых Савватьевского политскита. Попытка властей увезти политзаключённых социалистов и анархистов из московских и иных тюрем и похоронить заживо на отдалённых изолированных Соловках провалилась. С одной стороны, политзаключённые победили, добившись вывоза с Соловков, 8-месячная оторванность которых от внешнего мира оставляла их во всевластии лагерной администрации и лишала связей с родными и товарищами, с другой — вывезенные из политскитов заключённые были отправлены в политизоляторы с фактически тюремным режимом содержания, и сохранения политрежима им пришлось добиваться долгой и упорной борьбой.

После международных скандалов, связанных с содержанием политзаключённых на Соловках, власти СССР постарались широко осветить факт закрытия СЛОНа на Западе. Однако на Соловках продолжало находиться немало политзаключённых, не имевших этого статуса: рабочие-стачечники, участники рабочих движений, крестьяне — участники крестьянских движений, отдельные социалисты и анархисты, по каким-то причинам не признанные ГПУ политическими и находившиеся на общеуголовном режиме. Их неоднократные требования вывоза на материк оставались безуспешными — они были оставлены до истечения сроков. С течением времени состав политзаключённых начал вновь пополняться за счёт грузинских с.-д., дашнаков, анархистов, с.-р. и др., не признававшихся властями политическими. Они находились в тяжёлых условиях, на общеуголовном пайке, обязаны были ежедневно выходить на работу. Происходили частые, продолжительные голодовки с требованием вывоза на материк и уравнивания в правах с политическими.

Подводя итог, можно сказать, что расстрел 19 декабря 1923 г. был попыткой власти и чекистов наказать политзаключённых, преподать им наглядный урок, наконец-то сломить их сопротивление, сломать тот «политрежим», которого они сумели добиться протестами, голодовками и самоубийствами при поддержке международной социалистической и демократической общественности. Прямое противостояние социалистических партий, враждебных большевистской диктатуре, переместилось с фронтов гражданской войны, из фабрик и студенческих

²¹ Социалистический Вестник. 1925. № 15/16. С. 40.

аудиторий, со страниц задушенной властью независимой прессы, из уничтожаемого подполья туда, где оказались все непокорные — в тюрьмы и концлагеря, — превратившись в «тюремное противостояние», которое временами было настоящей войной, со стрельбой и жертвами, со своими героями и отступниками. И борьба шла не столько за лишние минуты для прогулок, право передач и свиданий (хотя и это было крайне важно, ибо помогало сохранить здоровье и силы для дальнейшей борьбы), сколько за право сохранить в тюрьме свое человеческое достоинство, не сломаться и выстоять, готовясь к встрече с врагом лицом к лицу. И власть понимала это и всерьез «завинчивала» режим, пытаясь сломать сильных и подкупить слабых, давая им возможность купить себе свободу публичными заявлениями в советских газетах о лояльности советской власти. Но власть проигрывала, начиная со своего сокрушительного морального поражения на процессе социалистов-революционеров в 1922 г., который четыре десятилетия спустя В. Т. Шаламов сравнит с судом над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем: «Со времени дела правых эсеров — легендарных уже героев революционной России — это первый такой политический процесс. Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...»²².

Прервать традицию политического сопротивления, пока она вновь не нашла поддержки и последователей, — даже ценой физического уничтожения её носителей — эта задача осуществлялась чекистами и властью уже летом-осенью 1922 г. Именно тогда председатель ГПУ Ф. Э. Дзержинский подал в ЦК РКП(б) докладную записку, в которой обосновывалась необходимость «очистки» Москвы и Петрограда от членов семей «цекистов и активных членов ПСР, как проходящих по процессу, так и тех, кои по мнению [ГПУ] должны подлежать выселению»²³. Запиской Ф. Э. Дзержинского закладывались механизм и система преследований родственников политических оппонентов, в законченном виде ярко проявившиеся уже в 1930-е гг. и использовавшиеся по отношению к «членам семей врагов народа». Именно тогда чекистами были подготовлены списки высылаемых, написана и широко апробирована «Инструкция для органов ГПУ по применению административной высылки», развязавшая чекистам руки в «очистке» городов от оппозиционных элементов и их родственников. По инициативе Дзержинского под эту инструкцию попали и виднейшие русские адвокаты, демонстративно покинувшие процесс над эсерами из-за нежелания участвовать в этой комедии. Именно тогда появился новый режим для политзаключённых (согласно «Инструкции по содержанию в местах заключения членов антисоветских партий «при особой изоляции»», прозванной в эмиграции «тюремным уставом Уншлихта»), который сами содержащиеся по нему эсеры,

²² Шаламов В. Письмо старому другу. URL: <http://shalamov.ru/library/21/63.html>

²³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 156.

участники процесса, называли «карцерным режимом каторжных централов» царского времени. Но голодовками и самоубийством члена ЦК ПСР С. В. Морозова, произошедшим на следующий день после соловецкого расстрела, этот чекистский режим был сломан. Все эти годы по всем «политизоляторам» (так большевики стыдливо называли старые каторжные централы и по всем концлагерям (это официальное название продержалось вплоть до середины–конца 20-х годов) шла непрерывная борьба между политзаключёнными и властями, с голодовками и обструкциями, с ответной стрельбой по окнам камер и избиением заключённых, их насильственными развозами и т.д.²⁴

В марте 1924 г. Заграничные Делегации РСДРП и Бунда, ПСР, ПЛСР и ССРМ обратились с меморандумом «К социалистическим партиям и организациям», в котором восклицали: «Так оправдалось утверждение русских революционеров, что коммунистический террор ведёт не только к жестокой политической изоляции своих противников, но к непосредственному физическому истреблению их. Самые худшие предсказания побледили перед кошмарами действительности, какую создала власть в своих тюрьмах и концентрационных лагерях для политических узников. За знаменитыми каторжными централами, за режимом Бутырки и внутренней тюрьмы ГПУ восстановило для социалистов средневековую монастырскую тюремную крепость в Суздале, чтобы суровостью этого каземата сломить стойкость революционеров. За Туркестаном, Нарьмом и Туруханском сотни и тысячи людей были направлены в ссылку в Пертоминск и Соловки, — куда даже царский режим отказался посылать своих противников. И, — как увенчание здания диктатуры, — соловецкая расправа, когда, по приказу тюремщиков-садистов из бывших уголовных, стража стреляла в упор в безоружную, беззащитную толпу заключенных.

Соловецкая трагедия увенчивает здание диктатуры. На руководителей коммунистической партии, опьянённых властью над огромной бесправной страной, не производили впечатления ужасающие факты, которыми пестрит за последний год жизнь тюрьмы и ссылки. Хронические голодовки, как единственное средство для самообороны и защиты человеческого достоинства, к которым прибегают сотни политических узников; кошмарные случаи саможжения, которым пытались спастись еще недавно от ужасов режима анархисты, заключённые в Пертоминске; самоубийство 18-летнего юноши Ароновича в Кеми, самоубийство юноши Сандомира в Соловках, самоубийство одного из «двенадцати смертников» Сергея Морозова в Москве, купившего смертью отмену «условного» смертного приговора для своих товарищей по известному процессу с.-р.

²⁴ См.: Морозова А. Ю. Формы сопротивления политзаключённых социалистов в советских тюрьмах и лагерях в 1920-е годы // За справедливость и свободу: Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3–4 ноября 2012 г.). М., 2013.